

Мэтт Дэймон не хочет быть героем «экшн»

Сьюзен ХОУАРД

В новом триллере «Идентификация Борна» по роману Роберта Ладлама Мэтт Дэймон играет шпиона, страдающего амнезией. Лауреат «Оскара» Дэймон считает, что фильм получился удачным, и не исключает возможности сняться в продолжении.

— «Идентификацию Борна» вряд ли можно назвать оригинальным фильмом, но он мастерски сделан. Сегодня в Голливуде очень редко относятся серьезно к таким сюжетам.

— Знаете, большинство триллеров неоригинальны. Поэтому мы гнались не за оригинальностью, а за аутентичностью. Мы с режиссером Дугом Лайменом много говорили о том, можно ли снять честный шпионский фильм. Дуг знает об этих вещах не понаслышке — его отец работал в военной прокуратуре, занимался делом «Иран-контрас». Дугу тоже хотелось, чтобы фильм был не просто оправданием взрывов и погонь.

— Значит, вы не претендуете на звание нового Арнольда Шварценеггера или нового Сильвестра Сталлоне?

— Нет, ни в коем случае. Я не хочу быть героем «экшн» и произносить убийственные реплики из-под дула пистолета.

— А режиссер говорит, что попросил вас придумать фирменную фразу для героя, и вы ее придумали.

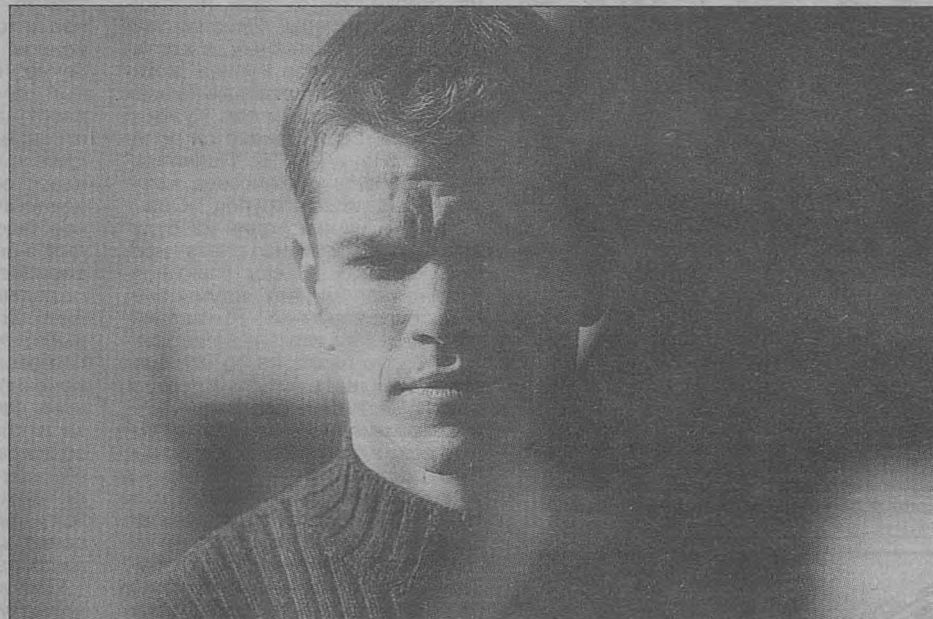
— Фраза действительно есть, но я не хотел преподносить ее в стиле крутого парня. Помните сцену, когда Франк Потенте говорит, что боится — вдруг кто-нибудь погибнет? Я отвечаю: «Этого не случится». Это и есть та самая фраза. Дуг хотел, чтобы я ее не просто сказал, а прямо-таки впечатал: «Этого-Не-Случится!» Я продемонстрировал ему за камерой, он пришел в восторг и воскликнул: «Отлично! Давай, сделай хотя бы один дубль!» А я ответил: «Хрен с два я тебе сделаю! Наш фильм выше подобных крикливых!»

— Поговаривали, что со сценарием были и более серьезные проблемы.

— Тони Гилрой написал отличный сценарий. Я подписал контракт, рассчитывая сниматься в фильме по этому сценарию. Но пока я тренировался и готовился к съемкам, они взяли другого сценариста, чтобы он все переписал. Знаете голливудскую шутку: продюсеры приносят сценарий, он читает и восклицает: «Тениально! Переписать от начала до конца!» Так вот, новому сценаристу дали указание сделать из триллера боевик, и он, соответственно, подробно прописал «экшн» и пунктиром соединил эти сцены.

— И что же вы сделали?

— Я ничего об этом не знал до последнего момента. Я увидел новый сценарий, только когда приехал в Париж на съемки. Мне стало плохо. Я сказал Дугу: «Я на это не подписывался». Поймите меня правильно — на бумаге был очень профессионально сочиненный боевик, но это не имело никакого отношения к тому фильму, в котором я готовился сниматься. Перед этим я отказался играть в нескольких

подобных фильмах. И вдруг — нате вам, вляпался!

— И как же вы снимали?

— Мы просто отложили новую версию и взяли первый сценарий, написанный Тони. Проблема заключалась в том, что в разных сценариях были разные места действия, поэтому мы работали в жутом бардаке. В Париже очень трудно получить разрешение на съемки. Поэтому нам часто приходилось импровизировать.

— Например?

— Например, будем ли мы снимать сцену с парнями, стреляющими ракетами с мотоциклов, в парижском метро или на заброшенной ферме.

— Удивительно, что в конце концов вам пришлось переснимать только финал.

— Да, у нас был настоящий рецепт катастрофы! Но я верил в Дуга и нашего продюсера Фрэнка Маршалла. А что касается финала, это было единственное слабое место в сценарии Тони. Вначале они наняли второго сценариста, чтобы он исправил эту проблему. Мы пытались что-то сделать по ходу съемок, но ничего не получилось. Нельзя писать и сразу снимать. Идеи должны дозреть. Поэтому финал мы пересняли через несколько месяцев.

— Перед началом съемок вы усиленно занимались восточными единоборствами.

— Да, я постарался как следует подготовиться, потому что у меня было целых пять месяцев, чтобы научиться восточным боевым искусствам. Помню, когда мы с Дугом встретились в первый раз, он сказал мне: «Сними рубашку». А когда я ее снял, он вздохнул: «О, Господи!» Наверное, я выглядел слабым. Но я сказал, что к моменту съемок буду, как скала.

— Трудно было тренироваться?

— Да, пришлось отказаться от пива. Дуг хотел, чтобы я

двигался, как боксер, и смотрел на людей так, как смотрят боксеры на ринге.

— Ради кино вы научились играть в покер для «Шулера», ездить на лошадах для «Неукротимых сердец», играть на пианино для «Талантливый мистер Рипли», играть в гольф для «Легенды о Бэггере Вансе». Используйте ли вы эти умения в жизни?

— С лошадьми я давно не общался. На пианино я выучился играть ровно одну мелодию, которую должен был исполнять перед камерой. А от покера я вообще стараюсь держаться подальше, хотя во время съемок «Одиннадцати друзей Оушена» в Лас-Вегасе ко мне часто приставали и предлагали сразиться. Эти парни рассчитывали обобрать меня до нитки, потому что считали, что актер — это легкая нажива.

— Вы не играете в покер даже с друзьями?

— Чтобы играть в эту игру, нужно относиться к ней серьезно. Ради чего — ради нескольких баксов? Я лучше отдохну и повеселюсь.

— Говорят, в Париже вы развлекались довольно скромно — смотрели телевизор.

— Мы с продюсером Фрэнком Маршаллом нашли в Париже шотландский бар со спутниковой антенной и смотрели футбол. Игры начинались в полпервого ночи по парижскому времени, поэтому бармен закрывал окно какой-то тряпкой — бар официально работал до часа ночи. Помимо нас, там каждый вечер собиралось человек 40 шотландцев, которые болели очень шумно и эмоционально. Я никогда еще не смотрел матчи в такой обстановке.

— Больше половины прошлого года вы провели во Франции и Чехии, снимаясь в «Идентификации Борна». В этом году вы работаете в Лондоне на сцене. Вы не ску-

чаете по дому?

— Да, я люблю моих племянников. Каждый раз, когда я приезжаю к брату, вижу в них удивительные перемены. Чужие дети растут быстро.

— Не собираетесь обзавестись своими?

— Нет, мне пока племянников хватает.

— Правда ли, что вы купили в Нью-Йорке квартиру, но у вас нет времени в ней жить?

— Не только жить, но даже обставить! Забавно — когда я приехал в Париж, Дуг первым делом повел меня в «квартиру Борна», где мы должны были снимать ряд сцен. Он открыл дверь и спросил: «Ну, что скажешь?» Я воскликнул: «Роскошное жилище!» Он удивленно спросил: «Роскошное? Тебе не кажется странным, что здесь нет мебели?» А когда я сказал ему, что моя собственная квартира в Гринвич-вилледж выглядит точно так же, он удивился еще больше.

— Если не секрет, сколько времени вы провели в Нью-Йорке в прошлом году?

— Недели четыре. Я начал переезжать в эту квартиру на мой 30-й день рождения, в октябре 2000 года. До этого я жил — точнее, держал свои вещи — в квартире моего брата, в пустой комнате. Потом я уехал сниматься в «Идентификацию Борна». Потом снимался в «Одиннадцати друзьях Оушена» и фильме «Джерри» Гаса Ван Сента. В июле съемки закончились, и я отправился в Лос-Анджелес, где участвовал в пост-продакшн. Я вернулся в Нью-Йорк 10 сентября 2001 года, ближе к полуночи, распаковал пару коробок и лег спать. Проснулся от телефонного звонка. Кто-то крикнул в трубку: «Включи телек!» — и дал отбой. Это было страшное утро. Невероятно, что я приехал туда как раз накануне.

— Вот уже пять лет вы

звезда. Вам трудно было привыкнуть к славе?

— Первое время я никак не мог нормально ориентироваться. Странно, но пока я не был знаменитым, мне казалось, что я легко справлюсь со славой. Черта с два! Мне было ужасно конфузно — особенно в первое время. Сейчас я более-менее справляюсь. Но все равно, когда во время премьеры мне приходится стоять на красном ковре в окружении восьми телохранителей, которые что-то бормочут в свои микрофончики, чувствую себя идиотом. Я говорю себе: «Еще пара минут, и можно будет уйти».

— В 1998 году, после успеха «Умницы Уилла Хантинга», вы говорили, что собираетесь делать новый фильм вместе с Беном Эффлеком.

— Может быть, в следующем году мы выкроим время, чтобы написать новый сценарий.

— Вы по-прежнему дружите?

— Да, мы друзья, но мне не хотелось бы делать нашу дружбу поводом для умильных статей в прессе. Я был поражен, когда один чиновник сказал, что история дружбы двух кинематографистов — самое удивительное, что только может быть в Голливуде. И он не шутил. Позже мы поняли, что зря рассказали о нашей дружбе. Чиновники сделали из нее инструмент маркетинга. Но мы поняли это только позже.

— Вы не очень-то жалуете Голливуд.

— Я понимаю, что со стороны это выглядит странно. Мне хорошо платят, со мной считаются. Но мне все равно неприятно, что в Голливуде правят цифры. Я знаю, что чиновники считают это просто бизнесом. Поэтому я учусь говорить на их языке, но отстаивать собственные интересы.

— В этом году вы также приняли участие в двух некоммерческих проектах: сыграли в Лондоне в пьесе Кеннета Лонергана «Это наша молодость» и снялись в малобюджетном фильме «Джерри».

— Думаю, «Джерри» многим не понравится, но я им горжусь. И через 20 лет я смогу сказать: «По крайней мере, я снимался не только из-за денег».

— Вы слишком строги к себе. Режиссер Энтони Мингелла считает, будто вы убеждены в том, что хорошая актерская игра достигается только мучительными способами.

— Это из-за того, что у меня мало воображения. Если бы у меня был талант Энтони Хопкинса, я бы мог просто прийти на съемочную площадку и мгновенно перевоплощаться. Но я так не умею, поэтому для меня подготовка к роли состоит из долгих и кропотливых исследований всего, что как-то связано с моим очередным героем. Иногда выходит плохо, иногда получается так скверно, что я не могу на себя смотреть.

— Говорят, что после успеха «Идентификации Борна» идет работа над второй серией.

— Я пока ничего подобного не слышал. По контракту я был обязан сняться только в одном фильме. Но если мне предложат вторую серию, и будет хороший сценарий, — я не откажусь.

Экран и сцена.

№ 35 (653), октябрь 2002 года

— С. 12.